

исследованию И. И. Страхова, «в произведениях Пришвина нечасто используется топонимика родных писателю Елецкого и соседних уездов: в художественном творчестве Пришвина лишь 24 топонима (93 употребления) принадлежит этим краям. Предпочтение писатель отдает топонимике мест, увиденных в путешествиях на Север и на Дальний Восток, а также мест охоты и прогулок во время пребывания в Переславле-Залесском, Сергиеве-Посаде, Дунино» [Страхов: 420]. Однако это не умаляет значимости региональных топонимов для писателя и его творчества.

Литература

Попова Е. А. К проблеме персониферы провинциального (Липецкого) текста / Е. А. Попова, Н. А. Богословская // Новый филологический вестник. М.: ООО «Издательство Ипполитова», 2021. №3 (58). С. 326–341.

Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 2 / М. М. Пришвин. М.: Худож. лит., 1982. 679 с.

Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие / отв. редактор Е. А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2018. 532 с.

Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики: монография / отв. редактор Е. А. Попова. – Липецк: Липецк-Плюс, 2020. 219 с.

Страхов И. И. Топонимы в творчестве М.М. Пришвина / И. И. Страхов // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Выпуск 33. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 417–420.

Bogoslovskaya N. A. *The regional layer of the toponymic space as a marker of the autobiographical narrative (based on the novel by M. M. Prishvin «Kashcheeva chain»)*

Abstract: in the article, based on the material of M. M. Prishvin's novel «Kashcheeva chain», the features of the regional layer of toponymic space as a marker of autobiographical narrative are investigated. Toponyms such as Khrushchevo, Yelets, Yelets region, Bystraya Sosna, Yamskaya Sloboda, Chernoslobodskaya Mountain, Popovka, Argamach, Palna, etc. are considered and their specificity is analyzed in the context of the author's perception of the image of his small homeland – the Yelets region.

Keywords: autobiographical narrative, regional precedent texts, toponyms, «Kashcheeva chain», Khrushchevo, Yelets, Yelets region.

А. С. Сторожак

(научн. руководитель А. Х. Гольденберг)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,

Волгоград, Россия

Грин-художник: живопись в жизни и творчестве писателя

Аннотация: статья посвящена отражению художественных интересов А. С. Грина в его творчестве. Писатель, по словам современников, недурно рисовал, иллюстрировал собственный сборник рассказов «Шапка-невидимка», глубоко интересовался жанрами живописи и техниками исполнения, свободно владел профессиональной терминологией из обихода художников и имел особый эстетический взгляд на мир – все это нашло свое отражение во многих его произведениях и определило новизну подхода к изучению автобиографизма Грина.

Ключевые слова: А. С. Грин, живопись, экфрасис, автобиографизм.

Подход к А. С. Грину как к Грину-реалисту и Грину-романтику занимает умы литературоведов уже не первый век, однако мало кто подходил к исследованию его биографии именно сквозь призму искусства живописи, как к Грину-художнику. Именно освещение данной проблемы стало целью нашей работы.

Любовь к искусству проснулась в Грине еще в детстве. Сам он, вспоминая ранние годы в своей «Автобиографической повести», писал: «Для своего возраста я начал недурно рисовать с семи лет, и мои отметки по рисованию всегда были 4–5. Я хорошо копировал рисунки и сам научился писать акварелью» [цит. по: Сандлер: 29]. Еще в городском училище Грин написал и нарисовал, опираясь на картинки из «Живописного обозрения», собственный рукописный журнал. А будучи уже юношей старался всегда брать с собой в поездки акварель. Первая жена писателя Вера Калицкая вспоминала, как Грин сам нарисовал обложку для своего первого сборника рассказов «Шапка-невидимка», вышедшего в 1908 году в Петербурге у издателя Котельникова, который владел лавкой «Наша жизнь», поскольку «издатель Котельников скупился, не хотел тратить на художника и предложил Грину нарисовать обложку самому. У Александра Степановича в то время лежала дома какая-то толстенная книжища в черном переплете с золотым тиснением. Он перерисовал вытисненный на книге рисунок и отнес издателю» [цит. по: Сандлер: 168].

Что касается отношения Грина к другим видам искусства (например, к театру), то из воспоминаний все той же Веры Калицкой, запечатленных в записи «Отношение Грина к музыке и театру. "На Американских горах". Происхождение рассказа "Табу"», нам хорошо известно, что в начале творчества писатель не питал большой любви к знаменитым театрам (таким как Александринский, Московский Художественный, Комиссаржевской). В то же время он находил особую романтику в кабаре «Кривое зеркало» при Театральном клубе, ему нравилось «смотреть на интимной, маленькой сцене номера то едкие и остроумные, то лирические, всегда злободневные и прекрасно поставленные» [цит. по: Сандлер: 201]. Было в этом, по замечанию современников, нечто романтическое. Представления посещали люди разных творческих профессий. Со многими из них Грин был знаком лично. Его судьба была также тесно связана с художниками в Доме искусств в Петрограде и на даче у Максимилиана Волошина в Коктебеле, где всегда было много гостей. Однако многие «считали его излишне замкнутым, необщительным и грубоватым. С ним мало кто хотел общаться» [Сандлер: 241]. Всеволод Рождественский, например, вспоминал, как однажды в Коктебеле Грин «бродил по берегу залива, изредка подбирал тот или иной заинтересовавший его камешек и тотчас же бросал его в море. Так он ни с кем не завязывал разговора» [цит. по: Сандлер 1972: 246], будто бы уходя в свой мир, не желая делить его с другими. Однако нельзя говорить и о том, что Грин не имел тесных знакомств с художниками. Например, в зрелом возрасте писатель общался с известным крымским художником Константином Богаевским. В первую очередь, Грин разделял его романтический взгляд на мир. Когда писатель посещал в Феодосии мастерскую Богаевского на Карантинном холме, оборудованную в здании бывшего хлебного амбара, которую называл не иначе как «храмом истинного искусства», то задавал вопросы по поводу техник исполнения, профессиональной терминологии, иногда пускался в философские размышления. Так, однажды он спросил, можно ли на картине по одной лишь руке человека, висящего над пропастью, почувствовать трагизм его положения. Все это было нужно Грину для понимания выдуманной картины Петгечера «Рука на скале», которую он хотел описать в своем неоконченном романе «Недотрога» [Тарасенко: 81].

Произведения Грина изобилуют экфрасисами. Мы встречаем в его текстах множество описаний картин и произведений пластических искусств. При таком подходе нет ничего удивительного и в том, что художники и процесс создания картин питали вдохновение Грина, которое находило воплощение в его произведениях. Например, финальное название романа «Дорога никуда» (первоначально – «На теневой стороне»), по воспоминаниям Нины Грин, появилось благодаря одноименной гравюре Гринвуда, которую писатель увидел в 1928 года, посетив выставку английских гравюр в Музее изящных искусств в Москве [Сандлер:

400]. В рассказе «Искатель приключений» перед нами предстает художник, ощущающий в себе зло, который не может не запечатлеть его на холсте [Грин Т. 3 1980: 225–251], а в «Бегущей по волнам» мы видим матроса, устраивающего «в широкой бутылке пейзаж из песка и стружек, действуя, как японец, тончайшими палочками» [Грин Т. 5 1980: 309]. Нередко писатель вставлял в свои произведения и названия реальных картин, имена известных художников: так, в романе «Джесси и Моргиана» появляется картина Джона Кольера «Леди Годива» [Грин Т. 5 1980: 198], в рассказе «Фанданго» – полотна Левитана [Грин Т. 5 1980: 436], в «Человеке с человеком» – портрет жены Рембрандта [Грин Т. 3 1980: 476], а в «Алых парусах» главный герой Грэй, присев на корточки, «напоминает собой фавна с картины Арнольда Беклина» [Грин Т. 3 1980: 36].

Александр Грин, будучи реалистичным писателем, как бы это парадоксально ни звучало, выбирал как прием эскапизма именно описания романтических произведений искусства. Самому Грину были чужды реалистические полотна, он относился к ним подчеркнуто холодно (как, например, в рассказе «Фанданго» к полотнам Левитана). «Тоска писателя по несбыточному, яркому, необычному была подобна тоске его персонажей» [Ковский: 33]. Стоит заметить, что выбор романтических полотен обусловлен не тем, что они светлые, фантастические и от этого более притягательные в его глазах, а потому, что они оказываются более адекватными кризисной психологии человека начала XX века. Бегство от ужасающей реальности, обращение к вечному и прекрасному – вот чем хочет любоваться современник Грина, и это способ писателя затронуть проблемы современности.

К модным течениям начала XX века Грин относился с некоторой настороженностью: «Я не верю в искренность футуризма <...> так как им сказать нечего <...> я видел в окне магазина посуду, зарисованную каким-то кубистом. Рисунок представлял цветные квадраты, треугольники, палочки и линейки, скомбинированные в различном соотношении. Действительно, об искусстве – с нашей, с человеческой точки зрения – здесь говорить нечего» [Грин Т. 4. 1980: 328–329]. С особой осторожностью Грин относился и к американским течениям и тенденциям, будучи влюбленным в европейское искусство. Так, например, звучит описание художественной обстановки в рассказе «Гениальный игрок»: полная «утонченного замысла картин, статуй и гобеленов, что только рыжая душа янки могла остаться нечувствительной к окружающему ее великолепию» [Грин Т. 4 1980: 162–163].

Однако экфрастичность была свойственна в первую очередь не произведениям писателя, а особому взгляду Грина на этот мир, который как раз и находил отражение в текстах. В зарисовке «Виноградная ветвь», завершающей мемуары последней жены писателя, Нина Николаевна Грин вспоминала слова мужа: «Вот нарисую я ее [виноградную ветвь], как вижу, будут читать, и будет казаться им, что где-то это в чужой, неизвестной стране, а это тут, близко, возле самой моей души и глаз» [Сандлер 1972: 404]. Все, что окружало Грина, превращалось для него в искусство. Так, в «оконном просвете», подобном раме, он усмотрел картину, которая лишь на первый взгляд казалась чем-то нереальным и нездешним. Его глаза «видели с той стороны, которую другие не замечали» [там же], когда на самом деле виноградная ветвь была самой обыкновенной.

Таким образом, границы между жизнью и творчеством Грина размываются и переплетаются, художественные интересы находят свое отражение в его романах и рассказах. Писатель Александр Грин не просто создавал в них Гринландию – он ее рисовал, рисовал подобно художникам, имена которых нередко звучали на страницах его произведений.

Литература

- Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М. : Издательство «Правда», 1980. 494 с.
Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М. : Издательство «Правда», 1980. 478 с.
Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М. : Издательство «Правда», 1980. 496 с.
Ковский В. Е. Романтический мир А. Грина. М. : Наука, 1969. 296 с.

[Сандлер В.] Грин А. С., Калицкая В. и др. Воспоминания об Александре Грине / Составитель В. Сандлер. Л : Лениздат, 1972. 607 с.

Тарасенко Н. Ф. Александр Грин в Крыму: Последний лучник. Симферополь : Бизнес-информ, 2008. 176 с.

Storozhakova A. S. *Green as an artist: painting in his life and creative work*

Abstract: the article is devoted to the reflection of A. S. Green's artistic interests in his work. The writer, according to his contemporaries, drew well, illustrated his own collection of stories The «Invisible Hat», was deeply interested in the genres of painting and performance techniques, was fluent in professional terminology from the everyday life of artists and had a special aesthetic view of the world – all this was reflected in many of his works and determined the novelty of the approach to the study of Green's autobiography.

Keywords: A. S. Green, painting, ecphrasis, autobiography.

Е. М. Кирякова

(научн. руководитель Т. Ф. Семьян)

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

Автобиографическое повествование в книге Павла Улитина «Разговор о рыбе»

Аннотация: в статье рассматриваются особенности автобиографического нарратива в книге Павла Улитина «Разговор о рыбе». Книга не является автобиографическим повествованием, однако в тексте присутствуют автобиографические эпизоды в виде ситуативных историй, к которым автор возвращается, пытаясь припомнить детали своего опыта. Имена знакомых, современников, названия картин, случайные фразы людей являются неотъемлемыми элементами автобиографических эпизодов. Высокая степень рефлексии автора формирует уникальный текст, который передает изменчивое настроение и создает у читателя чувство сопричастности.

Ключевые слова: П. Улитин, постмодернизм, автобиографическое повествование, ретроспектива.

Автобиографический стиль письма существует столько, сколько существует история, но автобиография не признавалась самостоятельным литературным жанром до конца XVIII века. В Оксфордском словаре слово «автобиография» трактуется как «описание жизни человека, написанное этим человеком». Было предпринято множество попыток дать определение этому термину. Наиболее известны работы французского историка и социолога литературы Ф. Лежена в этой области. В своей статье «Автобиографический пакт» (1989) он дает следующее определение: «ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности» [Lejeune: 14]. Здесь термин автобиографический пакт подразумевает договор между автором и читателем, в котором автобиограф должен описать себя не со всей возможной исторической точностью, а скорее с искренним усилием примириться с собственной жизнью и понять ее [Лежен: 261–262].

В своей статье Лежен различает явные и неявные способы установления автобиографического пакта, и в качестве контраста он различает вымышленный и романтизированный пакт. Кроме того, теория Лежена основана на попытке обозначить границу между автобиографией и пограничными жанрами вроде биографии, автобиографического романа, мемуаров и т. д. Но исследования многих других теоретиков, особенно в последние двадцать лет, предполагают, что автобиографическое повествование